

Глава 3

ЮЛЬХЕН

Кирилл Кабанов сидел в кабинете математики и разглядывал учительницу. С каким-то злорадным удовольствием отметил, что лак на указательном пальце её правой руки немного облупился. Знает ли сама? Наверное, нет, потому как этим самым пальцем перед его носом так и машет. Интересно, что будет, если взять и заявить: «Юлия Генриховна, а чё, ковырялись где, что ли, раз ноготь обшарпан?» И на реакцию её посмотреть. Заткнётся тогда сразу, подавится педагогической своей речью. Ведь каждое утро в школу приходит вся такая чистенькая, намарафеченная, с причесоном, блузку или платье два раза подряд не надевает. А шмотья-то мало, экономно живёт. Девчонки вычислили, через какой промежуток времени она снова тот же блузон напяливает, но уже с новым шарфиком. Будто бы не догоняют все, что в старом пришла. Престижная школа — чтоб её! — надо соответствовать. А и правда, взять вот так и сказать про лак. И потом поржать с пацанами.

Кабанов откинулся на спинку стула и стал откровенно рассматривать математичку. Грудь-то есть, конечно, но «не айс». Другое дело — новая англичанка, вот там буфера! А это — мышь серенькая. Да и старая к тому же. Кабанов попытался прикинуть, насколько старая. Вспомнил: её племяш учится в седьмом, дебил полный, так говорил, что ей в августе будет тридцать. Старуха.

— Кабанов! Да ты не слушаешь меня совсем! — возмутилась Юлия Генриховна. — Ну что мне с тобой делать?!

— А чё, есть варианты?

Он хмыкнул и пожалел, что рядом нет другана Славы Савельева — Савёхи, уж с ним бы такие реплики вместе выдали, хоть на камеру снимай и в сеть выкладывай! А так настроения не было шевелить мозгами: в классе они с математичкой вдвоём, публики нет, никто не оценит.

Фамилия у неё — Герц. Немецкие корни, вот и отчество — Генриховна. Да и в Мюнхен к какой-то тётке своей катается каждые летние каникулы. В школе её называли «Юльхен» — нарочито на немецкий лад, причём не только ученики, но, как слышал недавно Кабанов, и физрук тоже. До этого дня она была просто училкой, не более, но теперь Кирилл чувствовал: нарывается, дура. Вот сейчас доведёт его и получит пятиэтажный словесный оборот. Потом опять всё по отработанному сценарию — мать к директору, та неделю гундосить будет, в кого он такой уродился, моделировать, какой был бы, если бы кобелино-отец не бросил их. Слушать невозможно! Да и директор мозги вскроет, это уж стопудово. Ну, и по-новой: опять уроки, Кирилл снова будет хамить. Кто его выгонит-то, мать тут спонсорством балуется, завуч и свита прикормлены. Так что, как ни крути, ты — полный ноль, Юльхен.

Юлия Генриховна замолчала и спрятала прядь волос под заколку на затылке.

— Пойми, Кирилл, девятый класс — показательный. Ты способный мальчик, но твоё поведение ставит под сомнение переход в десятый. Я буду поднимать вопрос на педсовете...

«Вот дрянь! Да педсовет тебя одним пальцем, у матери такие связи, тебе и не прикошмарится!»

— Ну, Юль-Генриховна! А чё сразу у крайний-то?

— Кабанов, ты издеваешься?

«Издеваюсь?! Ты, милаша, ещё не догадываешься, как несладенько бывает, когда Кабан издевается!»

— Да чего вы все ко мне привязались? — Кабанов повернулся на стуле и сел к ней вполоборота, скрестив руки и всем видом показывая, как надоел ему весь этот разговор.

— Вот опять хамишь, Кирилл. Ты слушаешь меня, но не слышишь. Я-то переживу, не впервой, но то, как ты вёл себя на встрече с делегацией от Кировского завода, это же неприкрытое... — она осеклась, увидев свой облупленный лак на ногте и быстро спрятала руку.

Движение не осталось незамеченным для Кабанова. Он усмехнулся и принялся демонстративно искать что-то в айфоне.

— Я, кажется, к тебе обращаюсь,— устало произнесла Юлия Генриховна.

— Да пошли они! Будто я к ним в рабочий класс записался! Вы тоже даёте,— нараспев протянул Кабанов, не отводя взгляда от светящегося экрана.— Привели шушеру какую-то, вот если бы, к примеру, Газпром пришёл...

— Убери телефон, когда я с тобой разговариваю! — отчеканила Юльхен.

— Это не телефон, а айфон,— медленно, словно беседовал с маленьким ребёнком, произнес Кабанов, продолжая как ни в чём не бывало водить пальцем по экрану.

Юлия Генриховна машинально перебирала математические пособия, лежащие на столе, тетради, какие-то листки, зачем-то перекладывая их слева направо. Нервничала?

— Кабанов, я устала твердить тебе об одном и том же. Ты когда хочешь нахамить кому-нибудь, считай до десяти. Медленно. А потом уже открывай рот. Увидишь, совсем иначе всё будет. До десяти, медленно, запомнил?

Ну не идиотка ли? Точно, сейчас нарвётся: он досчитает до десяти, раз уж так она хочет, и выскажет ей всё, что

думает. Особым изысканным матерком, о существовании которого даже русичка с её филфаком не догадывается.

— Кирилл, я понимаю, трудный возраст и всё такое...

— Э-э, нет, Юль-Генриховна, вы так с мамашей моей разговаривайте, я вас не понимаю.

— Ладно, Кабанов, — она ещё держала руку с неидеальным ногтем где-то под столом. — Буду говорить с тобой так, чтобы сразу понял. На Спартакиаду в июне ты не поедешь. Это моё решение. Я всё сказала.

Кабанов оторвался от экрана и уставился на математичку. Это что сейчас было? Чего ляпнула-то? И кому? Ему — лидеру класса? Сама хоть просекла? Он нервно бросил айфон на стол, тот проскользил как хоккейная шайба и остановился у самого края стола. Савёха бы оценил этот айсинг.

— Не по-о-онял!!!

Юльхен запиховала тетради в толстый портфель.

— Всё ты понял, Кабанов. Никуда не поедешь. Может, хоть это научит тебя чему-нибудь. Когда нормально будешь с людьми общаться, тогда и поговорим. Но не в этот раз.

Да она что, совсем страх потеряла?! У неё десять жизней неистраченных?! Кабанов от возмущения растерялся, выдал какой-то мычащий звук, подавился им и начал жадно заглатывать воздух.

— Вот-вот, Кирилл. До десяти досчитай, потом мне ответишь. Только не забывай, я — твой учитель.

«Учитель?! Да ты фашистская подстилка!» — Кабанова раздирал внутренний ор. Почему «подстилка», он бы ответить не смог, но знал, что в сочетании с «фашистской» это слово крепкое, не хуже мата. «Немецкая дрянь! Нацистка!» Существовал ещё набор острых словечек, роящихся в его голове и выстраивающихся в своеобразную слоёную пирамиду. Предвкушение поездки было для Кабанова

единственным светлым образом в последние месяцы, о ней мечтала вся его пацанская ватага. Межшкольная спартакиада проходила в Финляндии, в Лахти, и посвящалась чему-то техническому, чему-то для старшеклассников. Кирилл в подробности не вдавался, ему грезилось, как они с Савёхой и пацанами слиняут в первый же день на рок-фестиваль в Хельсинки. Финка! Свобода на несколько дней! Отсутствие надзора предков! Да, вообще, полная бесконтрольность! Какой же кайф! И сейчас недоделанная математичка хочет лишить его всего этого?!

— Да не имеете права!!! — заорал он ей в лицо. — Вы кто такая, чтобы решать?!

— Я твой учитель, — с достоинством, но всё же, как ему показалась, немного испуганно выговорила Юльхен. — В январе всем было сказано: по окончании учебного года спонсоры возьмут только самых лучших. И успеваемость здесь не первична. Мы смотрим на поведение прежде всего. За тебя же, Кабанов, стыдно будет перед финнами.

— Да моя мать... Да как только она узнает!.. — он еле сдерживался.

— Она уже знает. Я звонила ей сегодня.

Кабанов сжал кулак так, что тот побелел, и со всего маху стукнул по столу. Юльхен вздрогнула и выронила портфель. Тетради полетели на пол, но как-то почти бесшумно, деликатно, словно старались остаться незамеченными и не испортить выразительную сцену.

— Решение принято, Кирилл. Ты сам виноват.

Он понял, что сорвался и кричит на неё уже на пути к выходу. Чёртова кукла! Старая мерзкая дебилоидная корова! Кабанов с силой толкнул дверь ногой, та почтительно открылась и выпустила в коридор пылающего девятиклассника, словно выдавила инородное тело. Вжавшись в стул и приложив ладонь к бледному мраморному лбу, там осталась сидеть учительница математики, некогда лучшая

студентка на университетском курсе, отказавшаяся уезжать в Германию ради чего-то, что, вероятно, так и не нашла в этой престижной школе.

Кабанов шёл по коридору, держа спину прямо, как голливудский гладиатор, и необъятная злость вырывалась из него рваными клочьями. Досталось несчастной корзине для мусора, отлетевшей от удара ногой в открытую дверь актового зала — не хуже одиннадцатиметрового у Рональдо — обзавидовались бы пацаны! Пробковая доска с прикрепленными к ней рисунками школьников сорвалась со стены «с мясом», увлекая за собой часть штукатурки. Уроки давно закончились, школа была полупустой. Стайка девчушек-младшекласниц с продлённого дня бросилась от него враспынную, попискивая, словно мышинный выводок. Получил подзатыльник не вовремя подвернувшийся под руку пятиклассник, спешивший с большим чёрным тубусом на кружок рисования. Второй, похожий на него и с таким же тубусом, предпочёл спрятаться за створку ближайшей двери.

Сам Кабанов напоминал себе героя компьютерной игры, проходящего по лабиринту и сметающего всё на своём пути. Надо выбрать себе правильное имя. Но это не главное. Сейчас бы разобраться с мерзкой Юльхен. Он насчитал шестнадцать грязных ругательных имён, которые мог бы дать математичке. Савёха бы придумал тридцать, не меньше.

Куда идти? Мать припрётся только вечером, да и вряд ли чем-то поможет. Пацаны наверняка уже расползлись по домам, поглощают обед. Кабанов подошёл к классу, где должен был закончиться факультативный урок английского — надеялся застать Алису Авдееву из параллельного «А», которая занимала его голову аж с сентября — с тех пор, как перевелась в их школу из другого района. Захотелось просто взглянуть на неё. Так, для боевого воодушевления.

Уж больно красива. С Алисой у него «не получалось». Он не мог понять, то ли она отталкивала его, то ли подманивала. К женским уловкам Кирилл готов не был, чувствовал себя неуклюжим в общении с девчонками, но твёрдо знал одно: он лидер, а значит, Алиса-зазнайка рано или поздно будет с ним. Кабанов заглянул в дверь, но класс оказался пустым. Даже смазливой фигуристой англичанки на месте не оказалось.

Кирилл чувствовал, что злость не только не остывает, но трансформируется в нём в нечто большее. Как будто где-то внутри спрут расправляет свои щупальца. Был бы сейчас в руках тесак-автомат «Лансер» из любимой игры, ох уж он замочил бы их всех! Кого именно, Кабанов представления не имел, но список этот уж точно возглавила бы Юльхен. Как бы он полоснул по её аккуратной блузе, а потом прикладом. Чтобы захрустело! Затем досталось бы и остальным убогим, мешающим ему жить.

Он направился в раздевалку, к досаде своей отмечая, что все «убогие», кого можно было бы поддеть, уже свалили домой. Спускаясь по лестнице, он поправил мнимую обойму, оттягивающую плечо, вставил запасной магазин и полоснул по смуглой уборщице, ковылявшей с ведром в подсобку. «Тра-та-та-та! Умри, Чёрная Мамба!» Пригнулся, уворачиваясь от автоматной очереди «чужих», прислонился спиной к стене и, выждав секунду, перебежал через лестничный марш, оставаясь невидимым для вражеских снайперов за окном. Огляделся и вновь замер, присев на корточки с поднятым автоматом и весь обратившись в слух.

Промелькнувшую в пролёте лестницы малышню (десант пришельцев) он забросал гранатами, сгруппировался, затаился за перилами, вздрогнул от взрыва и добил раненых одиночными выстрелами. Потом, встав во весь рост, повесил автомат на плечо и небрежно вытер ладони о штаны.

В раздевалке, к его неудовольствию, тоже никого не оказалось. Даже гардеробщицы. Подвиги подходили к концу, гнев помаленьку остывал в нём. Кабанов скинул «Лансер» и оставшиеся гранаты на кафельный пол, привычным жестом поправил ремень и тут заметил, что клеть учительской раздевалки открыта. Он осторожно, на цыпочках, словно боясь спугнуть зверя, вошёл в клетку. Верхней одежды на вешалках было мало, почти все учителя разошлись по домам. Кабанов вынул из сапога японский нож и стал принюхиваться. Справа нет нечисти, слева...

Ну вот же ты, мерзкий демон, вурдалак! Кабанов втягивал носом тлетворный вражеский запах и походкой тигра крался к бежевому пальто, одиноко висящему в самом конце строевого ряда крючков. Это её шкурка, Юльхенская! Он подошёл ближе и отчаянно пожалел, что и впрямь нет у него японского ножа.

Мерзкое пальтецо! Со всего маху он вмазал по рукаву и сорвал пальто с крючка — оборвалась матерчатая вешалочка. Секунды две паялился на лежащий на полу ком верблюжьего цвета, с раскинутыми в стороны, как у трупа, рукавами-руками. Зрелище это Кириллу понравилось, и он начал пинать кроссовкой пальто, видя в нём человека — сначала Юлию Генриховну, а затем и всех, кто достал его в этой жизни. Кроссовка была чистой, не оставляла следов, но материал помялся. Ударом ноги он подбросил пальто в воздух и к восторгу своему заметил, что оно, взлетев и выронив дремавший в рукаве берет, зацепилось воротником почти за тот же самый крючок, с которого соскочило. Жаль, пацанов нет, уж они бы такой бросок заценили! Пальто покачалось мгновение, словно маятник, и рухнуло на пол. Ну и ладно!

Довольный собой, выпустив почти весь пар, Кабанов уже потянулся было за своей курткой, но вдруг мысль, словно заточенная спица, проткнула мозг: айфон! Он

принялся шарить по карманам, а догадка закипала в нём, словно не кончилась ещё боевая игра, и так издевательски звучал чей-то «невыключенный» голос: «Посеял, идиот». Кабан судорожно шарил пятернёй в портфеле, но нутром уже чуял: бесполезно. Тут ему «дали картинку»: класс математики, Юльхен, чёрный блестящий прямоугольник на краешке стола. Игра продолжалась — надо было вернуться в логово.

Подходя к двери класса, он прислушался: там ли ещё Юльхен? Кабанов был приучен стучаться, это инъекционно было введено в мозги учеников ещё в подготовительном классе и делалось безоговорочно всеми «на автопилоте», но в этот раз, видимо, отключились все его связи с Кабановым-школьником. Приоткрыв дверь, он увидел, что Юлия Генриховна стоит у окна спиной к нему и держит в руке его айфон. Кирилла она не видела, увлечённая какими-то своими думами. Он неслышно вошёл, прикрыл за собой дверь и зачем-то сделал шаг в сторону, где его скрыла стоящая на треноге огромная белая доска, исчиренная маркером.

Юльхен вздохнула громко и тяжело, он услышал это из засады. Засады? Игра давно закончилась, Кабанов ощущал себя просто Кабановым, стоящим за доской, и никем больше.

Повертев в руках айфон, Юлия Генриховна судорожно набрала номер.

— Дима! Это я, Юля. Только не бросай, пожалуйста, трубку! Пожалуйста! Я звоню с чужого телефона, потому что на мой ты не отвечаешь. Видишь, что мой номер высвечивается, и не снимаешь трубку. Пожалуйста, дай мне сказать! Любимый... Любимый мой! Я бесконечно скучаю по тебе... Я каждый день возвращаюсь в квартиру, где нет тебя, и не хочу жить. Ты всё для меня, всё, понимаешь! Я не прошу тебя вернуться. Пожалуйста, просто поговори со мной!

Кабанов осторожно выглянул из-за доски и увидел, как вздрагивают от рыданий её плечи, как она старается пода-

вить слёзы, не дать собеседнику обнаружить их. Получалось не очень правдиво, голос прерывался, ей не хватало воздуха.

— Нет, Димочка, я не плачу. Это я простудилась немного, насморк и всё такое. Я не рёва, ты же знаешь. Я сильная. Просто у меня сейчас период такой, мне необходимо слышать твой голос.

Юльхен медленно приобретала человеческие черты, перерождаясь из страшного монстра, каким ещё минуты три назад была в игре. У окна стояла одинокая, брошенная любимым женщина, хрупкая и трогательная.

— У меня сегодня был очень плохой день, директор отчитывал, да ещё и ученик обхамил. Роденький, мне надо как-то приучиться жить без тебя. Я сумею, дай мне время, но не лишай меня минутного разговора. Хотя бы раз в несколько дней!

Юлия Генриховна склонила голову и провела рукой по лицу, оставив следы туши на белом рукаве блузки. Кабанов смотрел на её спину, на обтянутый батистом тонкий гибкий позвоночник, на выбившуюся из заколки непослушную прядь каштановых волос, на изящную руку с фарфоровым запястьем, держащую айфон возле уха, и никак не мог свести воедино мысли, бурлящие в его голове. Математичка... Ей подошло бы быть училкой какой-нибудь никчёмной этики-эстетики или домоводства, или ещё чего-нибудь женственного. Алгебраические формулы на доске у неё за спиной выглядели сейчас чем-то инородным, не вписывающимся в тот мир, где пребывала она и куда впустили на полшажка Кирилла Кабанова. Ощущение невесомости её фигуры было для него новым, каким-то щемящим, незнакомым и немного странным. Как можно так унижаться перед мужиком? Даже ему, мальчишке в его пятнадцать, это казалось невероятным и даже грязным. Он бросил её, а она плачет

здесь, прямо в классе... А как же пресловутая женская гордость?

Плечи математички чуть поднимались и опускались в такт словам, будто бы помогли им рождаться.

— Дима, послушай. Я не истерю, ты мужчина, ты принял решение. Какое бы оно ни было, я его принимаю. Нет, я не строю из себя святую... Хорошо, пусть это будет наш последний разговор, если ты... Я просто хочу понять, почему... Нет, не почему ты ушёл от меня, а почему ты ТАК ушёл? Два года вместе... Родней тебя у меня в жизни нет никого. Мне казалось, у нас открытые, искренние отношения. Почему же тогда ты не поговорил со мной? Да, мне было бы тяжело, но просто послать эсэмэску с извещением о том, что ты уходишь навсегда — это... я даже не знаю... это более чем жестоко. Не удостоить даже разговором... Скажи, разве я это заслужила?

Кабанов, словно загипнотизированный, смотрел на её затылок. Совсем не так общалась с мужчинами его мать и уж точно не так говорила с отцом, от которого постоянно что-то требовала, бесконечно оскорбляя. Тот, кто бросил Юльхен, оказался великим трусом — послал эсэмэску, и концы в воду, словно и не было ничего между ними. Помножил свою женщину на ноль. Простейшее арифметическое действие, никакой сложной алгебры. У Кабанова были свои представления о том, что значит «жестоко поступить с женщиной», но такой вот уход даже в голову ему не приходил. Противно и подло, и будто горошину чёрного перца из супа раскусил и теперь никуда не деться от гаденького послевкусия. И стыдно за весь мужской род, за этого вот Диму и даже за отца, когда-то очень сильно обидевшего мать. В начале учебного года на Кирилла уж слишком томно смотрела Рита Носова, но он честно и открыто заявил ей, мол, не светит тебе, подруга, ничего, и надобно переключиться на кого-нибудь другого. Носова по-

няла, наверняка расстроилась, но не возненавидела его. Но Юльхен... Как же можно так, ТАК унижаться?

— Мне больно, Дима. И, правда, не хочется от жизни больше ничего...

Юлия Генриховна опустила руку с айфоном, продолжая стоять у окна и всматриваться в греющихся на робком весеннем солнце голубей. Проснувшаяся совесть нашёптывала Кабанову, что он тоже был жесток с ней сегодня. Ему стало до оскомины стыдно за всё, что он ей наговорил, за то, что он творил в раздевалке — подленько, без свидетелей. И ещё было невыносимо неловко за саму Юлию, за кричащее женское одиночество, за унижение, и в то же время бесконечно её жалко. Он попятился к двери, стараясь остаться незамеченным, но случайно задел что-то ногой.

Она обернулась:

— Кто здесь?

Кабанов высунулся из-за доски, боясь встретиться с ней глазами.

— Юлия Генриховна, я секунду назад зашёл, правда. У меня,— он судорожно подыскивал слова,— вот тут за доску монета закатилась.

— Монета...— она ещё не совсем понимала смысл слов извне, будто бы медленно возвращалась из своих далей, из своей «игры», совсем не похожей на «игру» Кирилла, где она, в отличие от него, не была победителем, и где было ей плохо, очень плохо.

— Я айфон, кажется, забыл. Вы не видели? — негромко спросил Кабанов.

— Кабанов?..— Юлия Генриховна словно очнулась, взглянула на Кирилла и сразу же опустила заплаканные глаза. Ему показалось, что они у неё с пол-лица, небесно-синие, как в аниме. И подумалось: а она ведь красивая.

Юльхен села за стол, непослушной рукой сняла заколку, позволив пушистым волосам упасть на плечи и закрыть

половину лица, словно отгородилась от мира шелковой завесой.

— Вот возьми,— она протянула айфон, напряжённо глядя в учебник, который, как заметил Кабанов, лежал вверх ногами.

Он взял айфон и повернулся к двери.

— Кирилл! — сдавленно выкрикнула она. — Я тут позвонила с твоего телефона... айфона. У меня, понимаешь, трубка села... Я говорила, наверное, минуты три...

Юлия Генриховна вытащила из висящей на стуле дамской сумочки кошелек и начала рыться в нём.

— Я заплачу тебе за звонок.

— Что вы,— испуганно выдавил Кабанов и зачем-то сохрал: — у меня безлимитка.

— Нет, правда, Кирилл, я не хочу, чтобы мой звонок...

— Юлия Генриховна, не надо!... А вы... Вы сейчас домой уходите?

Что он несёт? Кабанов и сам не очень соображал, только чувствовал, что внутри него притаился какой-то дикий страх: а вдруг она, и правда, жить не захочет, что-нибудь с собой сделает?

— Почему ты спрашиваешь? — Юльхен всё ещё не решалась повернуть к нему заплаканное лицо.

— Ну, я просто так. Могу помочь вот доску оттереть или ещё что.

— Спасибо, не стоит. Иди домой. Я поработаю ещё, потом сама всё сотру.

Он стоял неподвижно и впитывал каждое её слово.

— Иди, Кабанов. Правда, ничего не нужно. Сейчас придут ребята из десятого класса, буду готовить их к городской олимпиаде по математике.

Последние слова как будто его успокоили. Он сделал ещё пару шагов к двери.

— Юлия Генриховна, я... Мне ужасно стыдно, я наговорил вам гадостей всяких...

Она молчала.

— Юлия Генриховна, вы простите меня?

Кабанов и сам не осознавал, почему ему в этот момент так жизненно необходимо было её прощение, и он, затаив дыхание, ждал ответа.

Она рискнула чуть-чуть выглянуть из-за каштановой пряди.

— Простите меня! — выпалил он и метнулся в коридор.

У самой двери в класс, прижавшись к дверному косяку, стоял его однокашник — тихий троечник Глеб Хоменко.

— Ты что здесь делаешь, Хомяк? — просипел Кабанов.

— Да дежури́м мы с Носовой сегодня.

Хоменко под взглядом Кирилла вжался спиной в стену, пополз боком, словно морской краб по пирсу.

— А вы там о чём говорили-то? — Хоменко изобразил усмешку.

Кабанов схватил его за воротник рубашки и притянул к себе.

— Ты ничего не слышал, понял! И Юльхен не видел после урока. А если узнаю, что болтаешь про неё — на тряпочки порежу, усёк?

— Да ты чего, Кабан!.. — испуганно пролепетал Хоменко. — Я ж могила, ты знаешь. Да и не слышал я...

Кабанов быстро пошёл прочь, стараясь не оборачиваться на Хомяка. И в этот раз был абсолютно не похож на давешнего голливудского гладиатора. Вырулив на лестницу, Кирилл увидел Риту Носову, поднимавшуюся навстречу с какими-то папками в руках.

— О, Кирюш! А нас тут запрягли в библиотеке архив перебирать. — Рита кокетливо заулыбалась. — А ты что домой не пошёл?

— Слушай, Рит, не до тебя!

Носова нарочито выпятила губу.

Ему совсем не хотелось разговаривать. «Принесла же её нелёгкая!»

— А ты куда сейчас? — проворковала Рита. — В раздевалку? Подождёшь минуту, я папки в кабинет закину и тоже свалю!

«Только этого не хватало!» — подумал Кабанов и посмотрел на Носову так, что она быстро затараторила:

— Но если у тебя дела там какие...

— Дела там... — буркнул Кирилл.

— Ладненько. Нет — так нет. Я ж так просто спросила...

Кабанов дождал, пока она исчезнет за поворотом, и спустился в гардероб.

Накинув куртку и застегнув молнию, он секунду постоял, косясь на секцию учителей. Увидел пальто Юльхен, мешком лежавшее на полу. Из рукава, словно язык большого варана, торчала косынка в мелкий коричневый цветочек, рядом свернулся клубком берет.

Кирилл поднял берет, всунул его в рукав, потом снова достал, разгладил, вложил в него аккуратно свёрнутую косынку и вновь вернул всё на место. Ему повезло — в гардероб так никто и не зашёл.

Пройдя по улице метров тридцать, он остановился, вдохнул острый мартовский воздух и улыбнулся своей новой шальной идее. Затем вытащил айфон и просмотрел список исходящих вызовов. Последний номер был незнакомым. Начиналась другая игра, не менее интересная... Он уже знал, что скажет этому козлу. Всё скажет. Только сначала сосчитает до десяти, как она его учила.